

ДЕД СЕРДЮК И СКВОЗИ

Рассказ

До сих пор не знаю, Сердюк – это фамилия или прозвище. То есть отрабатывал ли он свою фамилию, хмурясь, стуча палкой, хриплым лающим голосом отдавая команды и раздавая порицания, или его прозвали так именно за эти свойства. И в том, и в другом случае звание оправдывалось. Доставалось не только домашним, но и всем в пределах досягаемости и за. Мальчишкам на улице, встречным по дороге в магазин и обратно, стоящим в очереди перед ним или сзади, продавщицам, всем перепало его мрачной агрессивной уверенности в собственном знании как правильно. Но однажды я видела, что он смеялся. Это когда Славка засветил мячом в спину Мерчутину.

Наша улица, короткая, но широкая, после таянья снега до выпадения нового превращалась в самодельное футбольное поле. Воротами с одной стороны служили две берёзы, между которыми была натянута верёвка, её то спускали на нижние ветки, то поднимали в зависимости от роста игроков. С другой ворота изображались цементным цилиндром с застывшим в нём куском металлического прута. Припёрли его несовершеннолетние футболисты аж от «посёлки», поселкового центра с сельпо и сельсоветом. Так вот, вторые ворота изображались этим опасным (столько колен, пальцев, локтей пострадало) шершавым сооружением и подручными материалами, типа горы портфелей или воткнутой палки.

В общем, футбольное поле. И играли на нём если не все 24 часа, то с утра до темноты, благо даже во время проливных дождей лужи там не задерживались, уходили в песок. Песок, несколько грузовиков, здесь высыпали, когда улицу предполагали заасфальтировать, чтобы сделать её проездом к совхозу. Это был не самый рациональный проект, пришлось бы снести поселковую колонку, к которой за водой стекались окрестные люди с вёдрами, несколько сараев, в том числе и деда Сердюка, спилить берёзы, помимо нового проёма в кирпичной ограде совхоза с ещё одной проходной и охранниками. Народ зароптал, кто отстаивал колонку, кто свои сараи, кто, наши соседки, например, берёзы, которые сажал их дед, да и перспектива рычащих грузовиков никого на нашей улице не радовала. Но, конечно, из ропота не вышло бы прока, если бы сами проектировщики не отказались от своих планов. Слишком дорого, а езды не меньше, разве что директор совхоза в своих бумагах укажет, что грузовики на 15 минут раньше совхоз покинули, так они же эти 15 минут и проедут вокруг по посёлковым улицам. Доставлять овощи из совхозных парников следовало наисвежайшими, потому что шли они прямо «туда». Здесь надо было понижать голос и тыкать пальцем вверх.

В общем, песком дорогу засыпали, а в асфальт закатывать раздумали, через песок проросла всякая дикая трава, лужи, на зависть всего посёлка, исчезли, и футболисты с соседних улиц переселились к нам поднимать пыль. Надо сказать, что никто особенно не возражал. Женщин устраивало, что дети были на глазах у бабок, копавшихся в огородах, а не бежали тайком на речку, не курили за сараями, и можно было в любой момент выдернуть своего из игры, и, угрожая расправой, отправить к колонке за водой, или в магазин за керосином, или как-то ещё использовать.

Марина Бувайло родилась в Баку. По образованию врач. С 1981 года живет в Лондоне, работает психиатром. Публиковалась в журналах «Знамя», «Новый мир», «Звезда» и др. Автор книг «Эх, дороги» (М.: НЛО, 2006), «Игры» (М.: НЛО, 2009), «С.П.У.М.С.» (М.: НЛО, 2011). В «Волге» публикуется с 2012 года.

А к вечеру и мужчины, вернувшись с работ, присоединялись к игрокам, постепенно вытесняя младших в зрители. Тоже лучше, чем «на троих».

Когда мы сюда переехали, здесь уже вовсю играли в футбол.

Дед Сердюк после ежедневного похода «по делам», выносил на улицу свою часть стула, сиденье с ножками и двумя как рога торчащими обломками спинки. Саму спинку, слегка изогнутую, обшитую тканью, в середине серо-коричневой от грязи, а по краям золотистой, бабка Сердюка использовала во время работы в огороде, становясь на неё коленками. На спинке, прямо в дерево, через парчу, была вколочена медная бляха с номером 94, она отпечатывалась на земле у грядок и кустов. Стул, говорили, был трофейный и раньше принадлежал чуть ли не Гитлеру. Дед Сердюк сидел перед своей калиткой и смотрел, как играют в футбол, вслух не одобряя и тех, кто забивал гол, и тех, кто пропускал. Бабка Сердюка всё футбольное время неустанно полола, сажала, рыхлила. Дед стучал палкой, кричал – «мазила», «рука», «куда лезешь», иногда засыпал, привалившись между рогов стула к забору. Когда в забор залепляли, случайно или сознательно, по обиде, мяч, Сердюк просыпался и орал – «аут».

Сердюка не любили, но считали своим. Мерчутина не любили тоже, относились с осторожностью, однако и с некоторой почтительностью к статусу – «начальник». Он ездил, его возили, на машине, и местные считали, что устроить проезд в совхоз через нашу улицу была его выдумка для того, чтобы не приходилось от дома ехать к шоссе, там... в общем, ему-то действительно на те самые 15 минут быстрее. Кем именно он был в совхозе или посёлке, я не помню, скорее никогда и не знала. Вряд ли дома или на улице об этом говорили. Начальник и начальник, из тех, от которых прока местным людям мало, ни складом каким, ни магазином не заведовал, прописки не делал, и даже бюллетеней не выдавал. На нашей улице он появлялся редко, только когда шёл пешком, с портфелем, с блокнотом в кармане косо сидящего пиджака. Если там играл его какой-то родственник, то ли внук, то ли племянник, довольно толстый тихий парнишка, хороший вратарь, Мерчутин останавливался, несколько минут смотрел, как гоняют мяч футболисты, стоял, локтём в забор, портфель в другой руке, смотрел больше на комментирующего игру Сердюка, реже на игроков, потом забирал внука/племянника и уходил вверх и направо в свою улицу. Которая, в отличие от нашей, была тупиком, упиралась в кирпичный дом с гаражами.

Тот день я хорошо помню, потому что Славка был моим другом. Когда он попал Мерчутину по спине, вернее по попе, я побежала за ним – дядя Коля, Славкин отец, был скор на расправу, и под горячую руку драл Славку ремнём. Правда, выпив, катал нас на мотоцикле и покупал мороженое. Я побежала за Славкой, потому что знала, куда спрятаться и переждать, пока дядя Коля остынет. Но по дороге оглянулась на странные звуки. Это смеялся дед Сердюк.

Вопреки нашему ожиданию, Мерчутин жаловаться не пошёл, и мы со Славкой напрасно просидели в сквозях. Время в сквозях текло неравномерно, в зависимости от обстоятельств. Иногда тянулось и тянулось, например, если в школу опоздала и ждёшь перемены, а иногда – раз, и на следующий урок тоже опоздала.

Сквози требуют отдельного рассказа, это было такое место за школьными сараями... все знали, что там под землёй скелеты. Когда строили школу, на краю леса у железки деревья спилили, копнули, а там скелеты мёртвые лежат, быстренько обратно засыпали, а школу построили подальше от железной дороги, к нашему посёлку поближе, и от страшного места сараями кирпичными отгородили. За сараями на месте спиленных выросли длинные тощие деревья. Между ними весной густо вылезали всякие колючие кусты и крапива. Место считалось проклятым и страшным. Приходили сюда только самые отчаянные прогульщики курить, играть в ножички и расшибалку. Я забрела сюда по незнанию, когда мы только поселились здесь. Воспользовавшись суетой переезда, я отправилась/удрала искать школу. С ребятами с нашей улицы я ещё не познакомилась, и некому было меня предупредить и предостеречь. Так что моим первым вне дома общением стала местная шпана, моему появлению они поначалу удивились, я была маленькая даже для своих лет, по-городскому одета и довольно чистая. Меня попытались прогнать, но материться я умела ничуть не хуже, даже намного изощрённее. Это их удивило, и они отстали от меня,

перестали обращать внимание, а после скандала с Жуком вообще стала почти своей. Во всяком случае, мне так хотелось думать, меня больше не трогали, не гоняли. Наша соседка в Москве, тётя Люся, умела замечательно материться, и я запоминала её сложные конструкции, примерно так, как запоминала стихи Бальмонта, которые бабушка заставляла меня читать, «Я не из царства духов безымянных», не совсем понимая, завороченная звучанием. Я запоминала тёти Люсины обороты как стихи, и при первом знакомстве обматерила самого Жука. Думаю, что если бы я была побольше или мальчишкой, мне бы плохо пришлось, меня бы жёстко отлупили, накрепко вбив науку держаться от страшного места как можно дальше, но изошрённый тёть-Люсин мат от шмакодявки, он потом так и звал меня, позабавил Жука, и одного кивка хватило – я попала под его покровительство.

В сквозях я пряталась регулярно, когда начала учиться в школе. Из-за опозданий. Выходила-то я заранее, деда или бабушка переводили меня через шоссе, дальше я шла сама, ну и разное случалось, щенок, или утиль-сырьё ехал, или в аптеку чуть дальше по дороге привезли гематоген, и мальчишки бежали покупать похожие на ириски сладкие пластинки. Школьный завуч, вредная Валендра, оставляла опоздавших сидеть после уроков на полу в пустой комнате, называвшейся актовый зал, она же физкультурка. К тому же, в зале осенью открывали с двух сторон фрамуги, устраивали проверивание/сквозняк, печку зимой если и топили, то только утром, сидеть на полу было холодно, а приносить из раздевалки пальто не разрешалось. Домашку делать разрешалось, а читать книжку, разговаривать, бегать, играть – нет. Делать уроки на полу мне было бессмысленно, писать и считать я и до школы умела, весь букварь давно прочла, но в тетрадках, даже если за партой или дома за столом, получалась такая грязь! Буквы и цифры не помещались на положенном им месте, уезжали за строчки, не говоря уже о кляксах и отпечатках чернильных пальцев, когда нам велели писать ручкой, а не карандашом. В общем, я быстро поняла, что в случае опоздания прогулять первый урок в сквозях было безопасней, чем попасться Валендре.

В сквози я и притащила Славку. Он, хоть был на год с лишним старше меня и о жизни посёлка знал намного больше, но сюда попал впервые и жутко испугался, когда узнал, где мы прячемся.

В школу Славка ещё не ходил – мать его говорила, нечего парню бездельничать, пусть по дому помогает. Славкина мать была прачкой, и он таскал ей воду из колонки, собирал шишки для растопки и даже помогал стирать, тыча большой деревянной толкушкой в бак с трубой, в котором варилось бельё. Бак этот смастерил Славкин отец, про которого мой деда говорил – золотые руки, если б ещё и не пил... Но не пить дядя Коля не мог, потому что был контуженый. У них в сарае был ещё один бак, вроде самовара, из которого иногда текла/капала вонючая жгучая жидкость – «самец». Славка тайком водил меня посмотреть и даже сунуть палец в струйку и лизнуть, но мне этот самец не понравился.

Наше знакомство со Славкой началось с того, что нас обоих не приняли играть в футбол большие мальчишки. Обида сдружила нас. Через дырку в заборе мы, чаще я, лазали друг к другу в гости. Я давно умела читать и пересказывала Славке, пока он помогал матери, всё что прочла – Чук и Гек, Васёк Трубачёв, судьба барабанщика, черная курица, дети капитана Гранта, а он мне все местные истории. У колонки, куда он ходил за водой, тётки, ждавшие своей очереди, обменивались новостями.

Пока мы сидели в сквозях, он мне объяснил, почему я никогда не встречала здесь никого с нашей улицы, а из школы только совершенно безбашенных. И про скелеты убитых, и про живых, и про колонию для беспризорных, и про пленных фрицев, строивших нашу школу, потому что никто из местных не согласился бы строить школу рядом с таким местом, а уж когда построили, деваться было некуда – старую сломали, когда строили совхоз, а другая далеко, либо по шоссе вкруголя на автобусе за деньги, либо пешком кому 8, кому все 10 км, а в половодье и вообще никак, потому что дорогу заливало.

Про скелеты я и без него знала, они меня ничуть не пугали. У нас дома, ещё в Москве, были книги и со скелетами, и со всякими людьми без кожи, только мышцы-сосуды и отдельно руки-ноги-уши-кишки-сердце-почки, и с надписями по-русски и «на латыни». Читать их было скучно, но

полистать иногда можно было. Так что я привыкла, скелеты, ну и что! Но немцы, спокойно строящие школы, а не «хенде хох, шнель, капут», поразили и испугали меня. Они же могли сбежать и спрятаться. Может, они до сих пор сидят где-нибудь в сараях, под сеном и мешками, может даже на нашей улице. В сквозях их точно не было. Ни фрицев, ни «легавых», ни училок. За этим следили «нашенские», играющие в ножкички и в карты, курящие – шпана и Косой.

Да «ихние», – училки, вожатые и старательные пионеры с галстуками, завязанными, а не из карманов торчащими, – по доброй воле в сквози бы не пошли, как и большинство жителей посёлка.

Отсидев на поломанном дереве какое-то время, достаточное, как нам казалось, чтобы дядя Коля, Славкин отец, остыл, мы вылезли из сквоей и пошли домой. Медленно и уже молча. Оказалось, что нас вообще не искали, даже не заметили нашего отсутствия, могли бы не прятаться. Но для нас обоих...

Разговор в сквозях, гораздо более открытый, чем в обычных местах, где нас могли услышать родственники, изменил наши отношения, даже на какое-то время отдалил друг от друга. Мы вернулись гружённые новыми знаниями, Славку поразили сама возможность безнаказанно зайти в сквози и моё накоротке знакомство со шпаной. А меня – рассказ Славки о... о настоящих убитых и даже живых людях, которых здесь закапывали, ещё даже до войны. Дядя Коля, когда пьяный, со Славкиной матерью об этом говорит, а она радио включает и кричит на него – к ним захотел?! И ещё о пленных немцах, бродящих по посёлку поздними вечерами и предлагающих помощь за еду. И Славкина мать давала им вареную картошку и брюкву. Фашистам! Давно, но Славка сам их видел. И Славкин отец, которого эти фашисты контузили бомбой так, что он на одно ухо не слышит и должен пить салец, чтобы не расстраиваться, знает об этом.

Дома я с трудом дождалась деда и вывалила на него всю полученную информацию и свои сомнения, не упоминая, конечно, сквози.

В отличие от меня дед не поразился и не осудил соседей, только сказал, ну, не все немцы были фашистами.

– Только которые фрицы?

Дед начал объяснять, но тут с кухни пришла бабушка с кастрюлей и велела прекратить урок политграмоты.

– Полуграмоты? – возмутилась я. – Я очень грамотная.

– А двойка за что?

– Сама знаешь, за кляксы. За кляксы не считается!

И разговор уехал в сторону.

Несколько дней я почти не выходила из дому, благо были каникулы, а в футбол всё равно не принимали, потому что у больших мальчишек тоже были каникулы, и они весь день гоняли мяч на нашей улице. Не то чтобы совсем не выходила, выходила, но не на улицу, а вылезала из окна на крышу сарая, в котором лежали дрова всех соседей. Сарай разгородили на клетки, по клетке на семью. Крыша сарая была ветхой, с липким чёрным козырьком в дырках и щелях, прогибалась, но меня выдерживала. Лазить на неё запрещалось, но если не вставать, а просто лежать, то с земли не видно, а мне в щели немножко видно. И слышно всё, что происходило на улице, гораздо лучше, чем внизу. Например, мальчишки за сараем шёпотом договаривались идти вечером воровать морковь в совхозе, решали, кому лезть через стенку, кому отвлекать сторожей у ворот, дед Сердюк нудно бормотал себе под нос в промежутках между выкриками, его бабка так же нудно отвечала ему, уговаривала кур нестись, хвалила моей бабушке меня за то, что много читаю, но бабушка мне этого не передавала. В общем, и само по себе не скучно, а если с книжкой, то и вовсе. Но там ещё можно было просто лежать, не читать и не слушать. Просто смотреть вверх, как будто ты в море на корабле.

После нескольких дней лежание на сарае мне надоело, «Судьбу барабанщика» я дочитала, на улице в футбол играли большие, Славка с матерью ушёл «стоять за хлебом и керосином», маленькие девчонки играли в дочки-матери. Было довольно холодно, и убежать на речку совсем не хотелось.

Я решила пойти посмотреть, что происходит в мире, то есть за пределами нашей улицы. У горки, соединявшей нашу улицу с параллельной, сидел на груди брёвен племянник Мерчутина. Он окликнул меня очень вежливо, мы даже в школе так не разговаривали. «Девочка, тебя Аля зовут, да? Могу я попросить тебя об одолжении?» От удивления, – племянник Мерчутина был намного старше меня, я и голоса его не знала, сначала даже не поняла, кто говорит, и стала вертеться, ища тётеньку, а поняв, от удивления почему-то решила, что он зафутболил мяч к Сердюку, или, ещё хуже, к вредной Фриде Петровне и просит меня пойти забрать. Поэтому я замотала головой и совсем невежливо ответила: «Фиг тебе, не пойду, сам иди!» Племянник Мерчутина поднялся и пошёл ко мне, я побежала, он тоже, за мной. Ноги у него были длиннее, и добежали мы до шоссе одновременно. Он схватил меня за плечо: «Ты с ума сошла, здесь же машины». Здесь были не только машины, здесь была будка сапожника, нашего знакомого, и я совершенно не хотела попасться ему на глаза, потому что рано или поздно он скажет деду, а мне категорически запрещалось ходить к шоссе, ещё хуже чем на речку. В сквози не запрещалось. Никому в голову такое не приходило – ребёнок может уйти в это страшное место, которое и взрослыми обходилось стороной. Племянник Мерчутина держал меня за плечо, не больно, как бабушка или Валендра, но... он какой-то был странный. К тому же лёжа на крыше я поняла (когда лежишь на крыше, многое становится более понятным, меняется перспектива), что между Сердюком и Мерчутиним существует невидимая с земли связь. Они оба не нравились мне, а тут, наслоившись на страх перед возможностью встретить фашистов, я решила, что они шпионы. Деду я бы рассказала, но у деда большое сердце, и его нельзя волновать, а бабушке мне и в голову бы не пришло рассказывать хоть что-то, кроме прочитанных книжек. Ох, как бы я хотела вернуться в Москву, увидеть тётю Люсю и поговорить с ней обо всём, что случилось со мной с тех пор, как наш дом расселили и мы переехали в это богомзабытое место, потому что деда должен был приехать к нам, а ему нельзя жить в Москве.

Племянник Мерчутина держал меня за плечо, я только собралась выдраться от него и бежать в сквози прятаться, когда он крикнул мне в ухо: «Аля, познакомь меня с Жуком!»

От удивления я забыла, ну не забыла, а скорее, отменила свой план, и спросила: «Чего?!»

– Ты не проболтаешься?

– Чего? – повторила я.

Он откуда-то узнал, что я знакома с Жуком, значит, знает, что я хожу в сквози, знает, но от кого? Даже Славка я не рассказывала, как я попала туда и с кем там знакома. Тем более с Жуком. Племянник Мерчутина знал и не наступал, иначе... иначе бы – беда, и вольной моей жизни пришёл бы конец.

– Чего не проболтаюсь?

– Мне надо спрятаться, спрятаться, пока в шайку не вступлю.

– Чего?!

– Я больше не хочу с ними...

Бабушка, когда удивлялась, говорила – я теряю дар речи. Вот я тоже потеряла дар речи. Дар речи, но не дар беганья, потому что мы оба бежали, просто бежали, я от него, а он за мной, но бежали вместе, вровень, и он держал меня за плечо. В общем, то ли я, то ли племянник, то ли оба пришли к выводу, что от такой беготни толка немного. И остановились там, где серая кривая дорога натыкалась на другую, и надо было поворачивать к речке или наоборот, к магазину, где мог быть Славка, но так же мой деда или какие-нибудь стукачные соседи, а мне, как и бабушке, «не интересно тратить свою жизнь на слушанье глупостей», особенно если они говорят «зачем вы вашей Але разрешаете бегать по всему посёлку, здесь же...» – и начинают шептать бабушке в ухо. По холодной погоде шансов встретить знакомых на речке было значительно меньше. Поэтому я повернула туда, но уже шагом, и слегка отдышавшись спросила: «Ты спятил, что ли?»

– Скажи «честное сталинское», что не проболтаешься!

Я сказала.

Отец племянника Мерчутина, его звали Митя (не отца, а его сына, который племянник), был шпионом, его поймали, хотя он притворялся просто инженером, жил дома с Митей и Митиной

мамой, которая ни в чём не виновата, просто её муж был японским шпионом, а ей об этом не сказал. Митя не знает, как поймали отца-шпиона, но когда арестовали его маму, он был дома. Митя сначала жил у соседей, потом в детском доме, потом его забрал Мерчутин. Его зовут дядя Антон, и он брат Митиной мамы, но говорит, что Митин отец не шпион, а хороший человек, просто ошибка вышла. А вчера дядя Антон, когда думал, что Митя спит, сказал тётке Наташе, которая его жена, что каждую минуту ждёт ареста. А она ему сказала, что не надо думать о плохом, арестовывают не всех. Поэтому Митя думает, что он тоже шпион, и его жена тоже, и жить с ними не хочет.

– А ты откуда знаешь, что твой отец был японским шпионом, если твоя мама не знала?

– Ну, я слышал, когда маму арестовали, они говорили маме, и в детдоме у многих родители были шпионы. Ты не представляешь, сколько шпионов в Советском союзе. Троцкисты, и японские, и вообще вредители, которые нас ненавидят.

Меня это ничуть не удивило. Я прочла «Судьбу барабанщика», так что хорошо представляла.

– И дед Сердюк тоже?

– При чём здесь Сердюк? – удивился Митя. Я не знала, как объяснить, и просто сказала: – Я знаю.

– Тогда надо сообщить в милицию.

– Нельзя. Тогда я стану стукачкой.

Мы поговорили, почему Павлик Морозов герой, хотя и стукач. Наверное, потому, что его убили. Убили за то, что стукач, а герой, потому что убили. Потом пришлось долго обсуждать разницу между стукачами и разведчиками, какая разница, если просто стукач или разоблачаешь шпионов.

В общем, оказалось, что с Митей можно разговаривать, и даже интересней, чем со Славкой. Мой дед говорил о своём друге, дяде Яше с одной рукой, с ним интересно разговаривать, потому что он умеет думать, так вот, этот Митя тоже умел думать.

– Ты в бога веришь?

– Я? В какого? Мой деда говорит, что настоящий Бог есть только у евреев. Ты еврей?

– Ты что! Евреи Христа распяли. Мне бабушка сказала. У неё такая икона есть, она её прячет.

Я её люблю.

– Икону?!

– Бабушку. Она меня тоже любит.

– А почему ты с ней не живёшь?

– Дядя Антон не даёт. Он говорит, мне учиться надо, а там негде. И музыкальной школы нет.

А мне эта... я и без школы могу.

– А если он шпион, и его тоже разоблачат, куда ты пойдёшь?

– Тогда к бабушке, а если сначала к ней убежать, то он меня там сразу найдёт. А если в шайку, то не найдёт. Мальчишки говорят, что в шайке своих прячут, не выдают. Только они не всех принимают. А если Жука попросить, то может возьмут.

– Тебя же в тюрьму посадят!

– За что? Я же воровать не буду! Если не в шайку, так всё равно посадят, потому что отец шпион. И маму забрали, а я в детском доме на исправление не остался.

– А зачем тебя исправлять хотели? Ты плохо учишься?

– Нет, я хорошо. Я почти отличник, только по немецкому четвёрка и по рисованию тройка. Исправлять – потому что отец шпион, а мы с мамой его всё равно любили. Маму за это в лагерь отправили, а меня в детский дом на исправление.

– В лагерь? Концерционный?

Митя засмеялся: «Ты ещё маленькая, я тебе потом объясню».

– Сам ты маленький! Я у дедушки моего спрошу, он побольше твоего знает.

Тут из-за поворота к магазину выковылял дед Сердюк, Митя сказал: «Мне домой надо. Давай завтра к Жуку ходим, возьмёшь меня?»

Я тоже побежала домой, чтобы отловить и расспросить деду, пока бабушка не зовёт обедать. Кажется, деда был не слишком доволен, не то чтобы рассердился, или совсем замолчал, как... ну,

как если я начинала скандалить. Вообще, я теперь намного меньше скандалила, потому что теперь с нами жил дед, и бабушке было кого донимать кроме меня. То она думала, что он слишком бледный, и посылала посидеть на солнышке, то слишком красный, и мерила ему температуру и считала пульс. И заставляла ходить к злобной Фриде Петровне, зубнице, и сыпала в рот кисло-горькие порошки «от цинги». Деда был гораздо терпеливей меня и не скандалил, только улыбался и спрашивал: «Ну, как я выжил там десять лет без тебя?!» – «Азохенвэй, как ты выжил!» – отвечала бабушка.

Деда не был слишком доволен моими расспросами, но тем не менее снял с гвоздя кепку и предложил мне пойти прогуляться. Естественно, я не могла рассказывать ему о Митиных планах, но про его родителей, японских шпионах, было можно, раз их уже поймали. И о лагерях, деда без труда понял о каком лагере, не пионерском, а этом, концерт-ерва... – научил выговаривать это трудное слово, успокоил, ну как тогда с немцами, что не все в лагере шпионы, бывают ошибки...

На обед у нас были мои любимые макароны по-флотски.

На следующий день я с утра побежала искать Митю. Он сидел на том же месте, что и вчера, и у ног его был серый мешок, вроде бы пустой. «Тебя за картошкой послали? Её сегодня не привезут, Славкина мать сказала. Они за просом для курей пошли стоять». – «Нет, это мне для вещей». – «Каких вещей?» – удивилась я. – «Ну, я трусы и носки взял, а потом попробую в нашу квартиру пробраться, там ещё много всего осталось, одежды всякой. Тётя Наташа говорит, что мне папины штаны сейчас как раз будут». – «А где квартира? В Москве?» – «Мы в Ярославле жили». – «Ярославль рядом с Японией?» – «Ты что! Ярославль рядом с Волгой! На Волге».

Волга – река, там Сталинград. Это далеко, и бурлаки на Волге, мы их с бабушкой в Третьяковке видели. «Мы с папой на рыбалку ездили. Только я маленький был. А потом с мамой в Москву. На поезде ездили. После войны уже». Говорили мы опять на бегу. Дыхание перевели уже за школой, у сараев. «Ты пока иди одна, я тебя здесь обожду. Спроси, возьмут меня в шайку? Мне почти четырнадцать. Только про отца не говори. А то не возьмут, решат, что и я шпион. Я думаю, может он на войне с японцами познакомился».

Сквози не маленькое место за сараями, а большое, большое как базар за железкой, железной дорогой, очень большой и интересный. В сквозях тоже было интересно и немножко страшно. На базаре страшно цыган, которые, всем известно, крадут детей. А в сквозях – потому что все сюда ходить боятся. И как базар, сквози разделялись на разные участки. Прямо за сараями отчаянные отпетые прогульщики играли в ножички, расшибалку и пристеночек на щелбаны, пончики, сигареты и деньги, они назывались шпана, подальше на ящиках большие ребята и взрослые играли в карты, тоже на деньги, но бумажные, а совсем далеко, почти над обрывом, был ещё один сарай, такой старый длинный барак, над дверью написано «Пошивочная мастерская, с 8 до 6», окон нет, окна только на обрыв, где внизу железка, железная дорога, и там бывал Жук и всякие ещё, которых я боялась, особенно когда Жука не было. В отличие от базара там не было ни драк, ни громких ссор. Если кто-то из игроков в сквозях начинал орать или скандалить, из мастерской появлялся Косой, который даже косым не был, только очень страшным, Косой просто стоял и смотрел, засунув руки в карманы, и всё, шум прекращался.

Сначала, не понимая иерархического деления сквозей, я бесстрашно бродила где хотела, тем более что в каникулы место выглядело пустынным, да и в школьное время тоже – прогульщики сбивались кучкой сразу за кривой берёзой, там, где, собственно, и начинались сквози. Что за слово и откуда пошло, никто не знал и особо не озадачивался значением. Там дальше, у барака/мастерской начиналась взрослая жизнь, куда даже те отчаянные прогульщики, которые прятались в сквозях от Валендры и технички, не рисковали заходить. Почему школьная уборщица называлась техничкой? Деда сказал – не ведаю, что значит «не знаю». Ну и я не знаю.

Вначале я забредала к тому дальнему бараку, где встретила с Жуком, пока один большой мальчишка, я его немного знала, он приходил на нашу улицу играть в футбол, не сказал мне: «Ты что, вовсе? Не знаешь, что там с тобой могут сделать?» Ну, не совсем так сказал, но я всё поняла, кроме незнакомого слова «вовсе». Поскольку он при этом явно собирался наподдать мне, я не

стала выяснять, кто эта вовсе, и без скандала удалилась.

С тех пор я слышала много историй, о том, что происходило у того барака и вообще в сквозях, но меня они не касались, потому что я нашла замечательное место, такой большой деревянный ящик, поставленный на попа, он был поломан, и картёжники выбросили его, но сидеть и читать, опоздав на первый урок, в нём было удобно.

Однажды Жук увидел меня, остановился и спросил, что я здесь делаю. По-моему он удивился, что я вообще умею читать, и читаю просто так, не для школы. Я стала рассказывать про детей капитана Гранта, Жук попытался облокотиться на ящик, и ящик совсем развалился. Тут часть прогульщиков побежала к школьному сараю, это значило, что в кармане Витьки Длинного зазвонил будильник, а это значило, что первый урок подходит к концу, и тот, кто хочет незаметно попасть в школу на переменке, должен приготовиться. Значит, я. «Будь!» – сказала я Жуку и побежала за всеми.

Когда я снова опоздала и пришла в сквози, меня ждал новенький ящик – Жук велел принести. Думаю, что именно тогда моё накоротке знакомство с самым авторитетным человеком в сквозях было замечено переростками из нашего класса – шпаной. Во всех младших классах они были, оставаясь по нескольку раз на второй год с трудом переползали до четвёртого, после которого и вовсе пропадали из школы. Особенно заметными они не были, по негласному договору учителя их не трогали, а они не срывали уроки, изредка оказавшись в классе, дремали на задних партах или вяло стреляли из резинки жёваными бумажками в лампочку, тем не менее к ним относились если не с почтением, то с опаской. Они дали понять моим одноклассникам, что я нахожусь под их протекцией. Меня перестали звать жидовкой, хотя меня это мало волновало. Мой дед объяснил, что жидовка это просто по-польски еврейка, и этим надо гордиться, а те, кто меня дразнят, глупые фашисты. Я к тому же прочла «Голубую чашку» и поняла, что дед прав.

Но с тех пор прошло много времени, я не видела Жука, ну, по крайней мере, месяц или больше – давно, и идти искать его было мне как-то не по себе. Но обещание есть обещание, хочешь не хочешь, надо исполнять, так говорил мой дед.

У мастерской стояла машина. На боку у неё большими буквами было написано МИЛИЦИЯ. Я удивилась и испугалась. Не милиции, чего мне бояться милиции, удивило, что машина вообще могла проехать сюда, дороги проезжей здесь не было, деревья, хоть и молодые, росли густо, тропинка узкая, не проедешь, а с другой стороны был обрыв к железной дороге, а испугало то, что хотя день был хороший, без дождя, людей – шпаны, или картёжников – «нашенских», не было. И воспользовавшись этим, сюда могут пробраться немцы. Или шпионы. Но при милиции? вряд ли, хотя может их как раз и ловили. Тем не менее, я очень осторожно, не по тропинке, а через кусты и крапиву дошла почти до мастерской и выглянула посмотреть. Ничего не изменилось, машина стояла, рядом никого не было, ни милиции, ни Косого, вообще никого. И тут меня подняли, прямо как кошку, за шкирку, за кофту. Я почти задохнулась, кофта сдавила мне горло, лицо больно жгло чья-то ладонь, но испугаться больше, чем уже была, не успела. Какой-то дядька прямо в ухо сказал: «Тихо! Если пикнешь!» – поставил меня на землю, при этом сильно потрянув. Я хотела убежать, но ноги плохо держали меня, а дядька – хорошо, крепко. Тогда я заревела. Громко. Реветь я умела. Даже сквозь дядькину ладонь было слышно. Он сначала ещё сильнее зажал мне рот, так что вылетел зуб, который уже несколько дней немного качался, а потом отшвырнул меня в куст. Орать стало легче, и причин для этого появилось больше. Куст был здорово колючий, во рту было солоно, и вместо зуба была дырка.

Причин было много, но орать было не для кого. Дядька исчез. А просто плакать, когда надо спастись, глупо. Вылезала я с большим трудом. Не очень долго, но пока я сумела выбраться на тропинку, ведущую к пошивочной мастерской, и оглядеться, в сквозях уже или всё ещё никого не было, и милицейской машины тоже. Мне совсем расхотелось идти искать Жука, я даже забыла, зачем он мне был нужен. О Мите я тоже совсем забыла, побрела к кривой берёзе, отплёвываясь от крови, и только увидев его на краю школьной площадки, вспомнила и заревела.

«Кто тебя? Жук? Или Сердюк?»

От удивления я перестала плакать: «Причём тут Сердюк!? И не Жук! Дядька какой-то!»
«Он тебя бил? У тебя кровь из рта льётся. Тебе больно?»

Я сунула палец в рот, пощупала дырку, сплюнула кровь, больно не было. «Конечно, больно, когда тебя чуть не задушили».

«Сердюк, он что делал? Когда тебя били?»

«Там никакого Сердюка не было. Вообще никого не было. Только дядька в сапогах, который напал, немец или шпион».

«Какой он?»

«Я не видела, только сапог. Он меня душил, хотел, чтобы я тайну ему выдала, а потом в куст толкнул и сам убежал. Очень страшный, на Гитлера похож, в сапогах».

«Нет, это не Сердюк, Сердюк в сандалях ходит»

«Да причём тут Сердюк, чего ты к нему привязался?»

«Он пришёл сюда, из-за сараев, ты только за берёзу зашла, а он идёт. Я даже придумать ничего не успел. Поздоровался с ним погромче, думал, может ты услышишь и в кусты схоронишься. Он там остался, я всё время смотрел, он не вышел».

«Я его не видела! И не слышала. Он, когда идёт, палкой стучит и ругается».

«Он тихо шёл, будто прислушивался, будто следил за кем-то. Я подумал, за тобой, за нами, закричал: “Здрассте, гражданин Сердюк!”, а он только палкой махнул».

«А почему гражданин? Его же дед Сердюк зовут».

«Так его дядя Антон зовёт, гражданин Сердюк. Тебя так долго не было. Я думал, тебя арестовали. Или убили. Давай до школы дойдём, там кран на дворе есть, ты поможешься, а то вся в крови».

Дома... Дома меня ждал скандал, хотя мне в голову не пришло рассказывать о своих приключениях. Не из-за того, что моя майка была грязная и в крови, ну выпал зуб и выпал, не первый, и я не первый раз ходила погулять и возвращалась грязная, но я первый раз увидела, как деда сердится. Сначала мне показалось, просто из-за того что бабушка волновалась, но что-то вообще изменилось, вообще, и на нашей улице тоже. Гоняли мяч только совсем маленькие, даже без ворот. И Сердюка не было... Мне запретили уходить с нашей улицы, я думала только до вечера, но на следующий день, когда я попробовала пойти поискать Митю и завернула за дом Фриды Петровны, бабушка побежала за мной и прямо на улице на глазах у всей мелюзги отшлёпала. А деда видел и не заступился. К вечеру к нам пришёл дядя Яша, и они с дедом говорили «наидеш», очень тихо, хотя я всё равно их не понимала. А бабушка вместо того, чтобы поить их чаем, всё время ходила – к окну, к двери, мешая мне читать.

Ещё какое-то время на улице было странно. Взрослые, возвращаясь домой, сворачивали прямо в свои калитки, дядя Коля запил, выпил весь самец, уже продал сапоги и пытался продать свой мотоцикл. Деда уговорил его обменяться на поллитру, потом Славкина мать спрятала мотоцикл в наш сарай и оставляла Славку дома следить за отцом. Так что новостей он не знал.

Митя не убежал от Мерчутина, я его один раз видела, когда снова стали играть в футбол, и он стоял в воротах, но как следует поговорить нам не удалось, сказал только, что уезжает к бабушке в деревню до школы, но в школу осенью не вернулся.

Вообще все Мерчутины тоже уехали. «Перевели», сказал Славка. К зиме дядя Коля пить перестал, Славку мать посылала стоять в очереди «за чем привезут», и там тётки обо всём говорили. И что в пошивочной мастерской «были тёмные дела», даже кого-то убили, и на самом деле это была не мастерская, а притон, туда по железке привозили краденое и на лифте поднимали наверх. В сквозях я больше не была, тем летом – боялась, а когда началась школа, сквозей уже не было, деревья опять спилили и стали что-то строить, вроде бы обещали клуб и кино. Притон и облага – слова, которые я узнала в то лето. Но многое осталось для меня загадкой, и расспросить деда, не выдавая себя, не удалось.

А ещё потом, через два года, мы тоже уехали. Последнее на нашей улице, что я, высунувшись из машины, на которой увозили нас с вещами, увидела, был дед Сердюк на своём стуле.